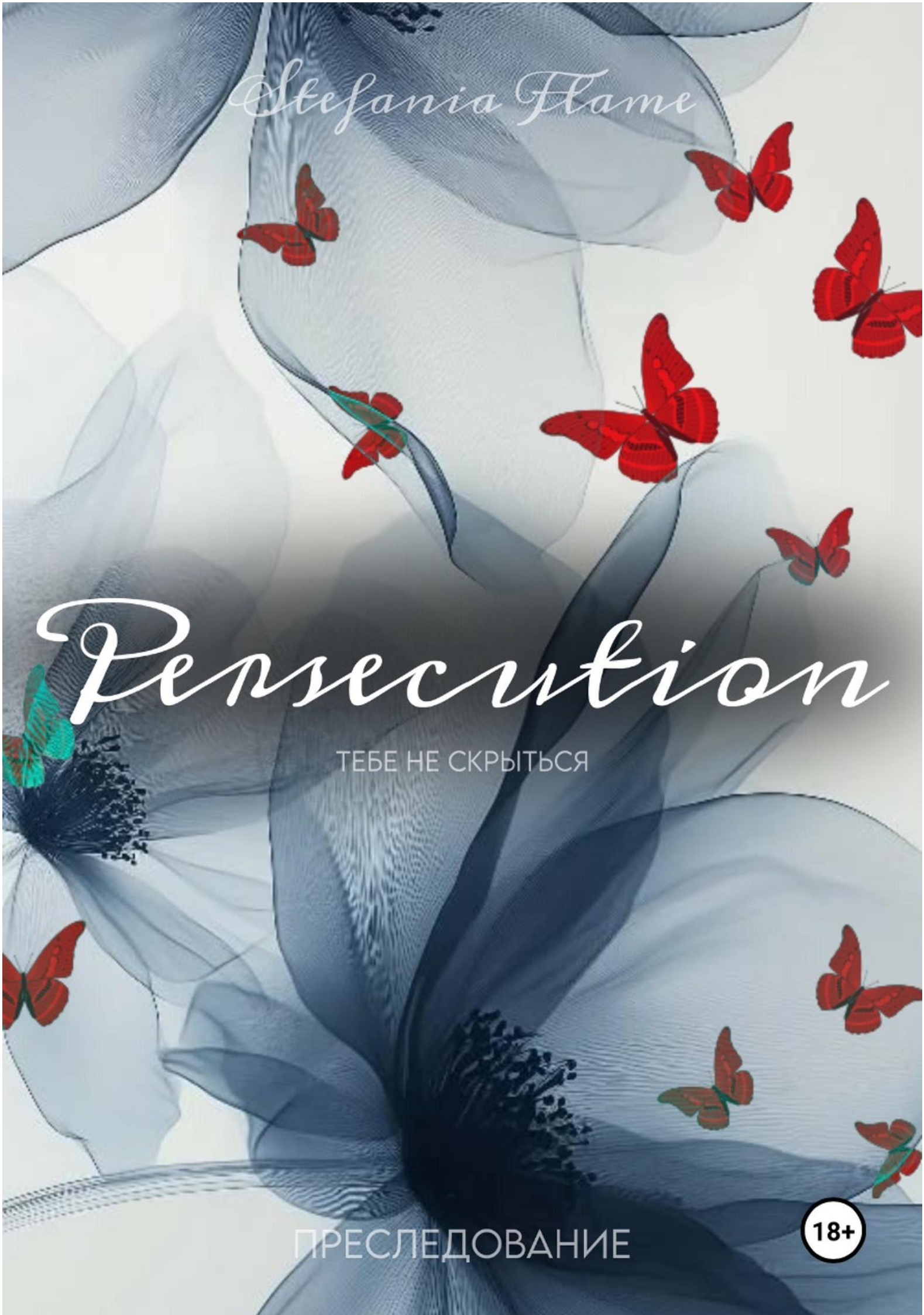

Stefania Flame
Persecution
ТЕБЕ НЕ СКРЫТЬСЯ
ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
18+

Твоя темная сторона

Стефания Флейм

Преследование

«Автор»
2026

Флейм С.

Преследование / С. Флейм — «Автор», 2026 — (Твоя темная сторона)

— Пять миллионов, Роза. Столько стоит твоя невинность на закрытых торгах, — его голос обжигает шею, а пальцы сжимаются на моем горле. — Ты думала, я не узнаю свою идеальную няню под маской танцовщицы?Днем я учу его дочь манерам, а ночью становлюсь самым дорогим лотом в элитном борделе. Эти деньги должны были купить мне свободу. Но мой единственный покупатель — человек, которого я боюсь больше смерти.Дерил. Мой босс. Мой владелец.Он не просто купил мое тело. Он купил право ломать меня каждый вечер, заставляя платить за обман самую высокую цену.Здесь нет правил. Есть только его власть, моя слабость и тайна, которая связывает нас крепче любых оков.

© Флейм С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Роза 6
Глава 2. Дерил 10
Глава 3. Роза 14
Глава 4. Дерил 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Преследование

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ТРИГГЕРЫ

Серия «Твоя темная сторона» представляет собой цикл из 4 темных эротических новелл о разных героях.

Одержимость *— история Катерины и Демитрия*

Одержимость 2*— продолжение истории Катерины и Демитрия*

Преследование *— история Розы и Дерила*

Присвоение *— история Алисии и Ро́мана*

Это третья книга серии. Историю Катерины и Демитрия («Одержимость» и «Одержимость 2») можно прочитать отдельно на Литрес.

!В отличие от полноразмерных романов, фокус повествования здесь смещен с сюжета на эротическую составляющую, разворачивающуюся в рамках определенной локации!

Пожалуйста, ознакомьтесь со списком триггеров и особенностей произведения перед прочтением:

- Разница в возрасте:ей 18, ему 33.

- Героиня-девственница.

- Динамика персонажей:она — няня его дочери и танцовщица в борделе; он — бандит и отец-одиночка.

- Скрытая личность.

- Измены — НЕ главный герой

- Использование секс-игрушек.

- Тяжелый контент:присутствуют описания физического и психологического насилия, жестоких пыток, а также проявления болезненной, деструктивной одержимости.

- Сексуальный контекст: сцены содержат сомнительное согласие, элементы принуждения и откровенной «грязной» страсти.

Повествование отличается крайней откровенностью и может вызвать дискомфорт. Если подобная тематика для вас неприемлема, автор настоятельно рекомендует воздержаться от чтения.

Все сцены и формулировки адаптированы в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства РФ.

Строго 18+

Глава 1. Роза

Ночник в виде маленькой луны отбрасывает мягкий желтоватый свет на бледное личико Амалии. Я замираю, боясь нарушить эту хрупкую тишину, которая кажется единственным островком чистоты в моей исковерканной жизни. Я наклоняюсь и едва касаюсь губами ее прохладного лба, вдыхая запах детского шампуня и присыпки — запах невинности, которую я сама потеряла так давно, что уже не помню вкуса этого воздуха.

— Спи, крошка, — шепчу я, чувствуя, как внутри что-то болезненно сжимается.

Я аккуратно вытягиваю из-под края одеяла тяжелую книгу со сказками. Мои пальцы скользят по глянцевой обложке, где нарисованы принцы и замки. Горькая ирония: я живу в замке, но мой принц — это чудовище, которое не собирается превращаться в человека, а сказки, которые я читаю Амалии — лишь способ заглушить звон тех цепей, которыми я добровольно приковала себя к этому месту. Я выхожу из детской, стараясь, чтобы дверь не скрипнула, и оказываюсь в просторном, пугающе тихом особняке Дерила.

Здесь все дышит его тяжелой, подавляющей энергией. Стены, обитые темными панелями, высокие потолки, скрытые в тени, и этот стерильный порядок, который кажется декорацией к триллеру. Я спускаюсь в гостиную, где на мягком ковре разбросаны кубики и куклы. Мои движения методичны, почти механичны — я начинаю собирать игрушки, наклоняясь и складывая их в плетеную корзину. Каждый наклон заставляет мою короткую юбку няни задираться, обнажая бедра, и я кожей чувствую, как этот дом наблюдает за мной тысячами невидимых глаз.

У меня есть секрет. Он пульсирует под моей кожей, как нарыв, который вот-вот лопнет. Днем я — тихая Роза, сирота, чье прошлое стерто в пыль приютами и казенными стенами. Я — идеальная декорация для детской комнаты, тень, которая не издает лишних звуков. Но когда солнце падает за горизонт, и Амалия засыпает, я превращаюсь в товар. В «Розу» из другого мира, где воздух пропитан дорогим табаком, потом и жадностью мужчин, готовых отдать целое состояние за иллюзию моей чистоты.

Я собираю игрушки, и перед глазами встают цифры. Мне нужны деньги. Не просто на еду или одежду. Мне нужен билет в другую реальность. Я мечтаю поступить в университет, стать полицейским — надеть форму, которая будет означать закон и защиту, а не подчинение и позор. Я хочу сама стать той силой, которая когда-то не пришла ко мне на помощь. Но обучение стоит дорого, а свобода от долгов, в которые меня втянули обстоятельства моего сиротства, стоит еще дороже.

Мое сердце непроизвольно сжимается от внезапного приступа страха и возбуждения, когда я думаю о том, что будет, если Дерил узнает. Если этот первобытный хищник поймет, что его «идеальная няня» по ночам выставляет свою девственность как главный лот на аукционе порока. Я чувствую, как влага начинает проступать между моих ног, марая тонкое хлопковое белье — это не похоть, это нервный срыв моей плоти, которая знает, что она ходит по краю бритвы.

Я поднимаю последнюю куклу — у нее стеклянные, пустые глаза, в точности как у меня, когда я смотрю в зеркало. Я сирота, у которой нет права на слабость. Каждая копейка, заработанная под неоновыми огнями и липкими взглядами, приближает меня к моменту, когда я смогу захлопнуть дверь этого ада и никогда не оглядываться. Я не просто няня, я — партизан на вражеской территории, торгующий собой, чтобы купить право больше никогда не принадлежать никому. Но здесь, в тишине гостиной Дерила, мой секрет кажется особенно тяжелым, словно сам воздух пропитан осознанием того, что моя девственность — это бомба с часовым механизмом, и детонатор находится в руках человека, который сейчас, возможно, наблюдает за мной из темноты кабинета.

Я иду в гардеробную, прижимая к груди стопку свежевыстиранных вещей Амалии. Ткань пахнет лавандовым кондиционером — чистый, невинный аромат, который кажется чужеродным на моих руках, привыкших скрывать запах элитного парфюма и чужого вожделения. Я здесь уже год. Триста шестьдесят пять дней я балансирую на грани, пытаясь быть идеальной тенью в этом огромном, холодном склепе, который Дерил называет своим домом. Я стараюсь до предела загрузить себя делами, касающимися малышки: я досконально изучаю таблицы калорий для ее питания, слежу за малейшими изменениями в ее воспитании, подбираю развивающие игры и часами провожу на кухне, следя за тем, чтобы ее еда была безупречной. Я сама стираю ее платьица, сама глажу их, вдыхая пар и чувствуя, как под кожей пульсирует усталость.

Я буквально заменяю ей мать, которой у нее никогда не было. Я не знаю, что стало с той женщиной, которая произвела ее на свет — исчезла ли она в погоне за новой жизнью или Дерил стер ее в порошок, как делает со всем, что встает на его пути. Я не хочу этого знать. Точно так же, как я не хочу занимать ее место. Быть «мамой» для Амалии — это счастье, но быть «женщиной» для этого дома — это смертный приговор. Я очень люблю эту девочку, я привязалась к ней так сильно, что порой это пугает. В приюте нас учили не привязываться, говорили, что любовь — это брешь в броне, через которую тебя добьют. Я стараюсь провести здесь четкую, жирную черту. Я — персонал. Я — функция. Я — никто.

Тем более что Дерил — этот мужчина, одно присутствие которого заставляет воздух в легких превращаться в битое стекло — он ненавидит меня. Я чувствую его ненависть каждой клеткой своего тела, когда он проходит мимо, не удостаивая меня даже взглядом. Я понятия не имею, почему он выбрал именно меня, почему терпит мое присутствие в своем доме, но я боюсь его до паралича в мышцах. Его власть абсолютна, его сила подавляет, а угроза, исходящая от него, ощущается почти физически, как низкочастотный гул. Он жестокий, холодный, замкнутый хищник, который заперся в своей золотой клетке и ждет, когда добыча сама упадет к его ногам.

Я вхожу в гардеробную, и тишина здесь кажется особенно тяжелой. Я начинаю раскладывать вещи по полкам, мои пальцы дрожат. Каждый раз, когда я думаю об Дериле, мой клитор непроизвольно сжимается от дикой смеси ужаса и того темного, запретного возбуждения, которое я привыкла продавать по ночам. Это неправильно. Это грязно. Я стараюсь избегать его любой ценой, забиваюсь в углы, когда слышу его тяжелые шаги, прячусь в детской, лишь бы не столкнуться с его ледяным взором, который, кажется, видит меня насквозь — видит ту «Розу», что стоит на подиуме в кружевном белье.

Я знаю, что нахожусь в капкане. Его дом — это ловушка, где каждый предмет мебели напоминает о его превосходстве. Я разглаживаю складки на крошечной юбке Амалии, и мое дыхание становится рваным. Если он узнает, на что я трачу свои ночи, он не просто уволит меня. Он уничтожит ту маленькую надежду на университет и полицейский значок, которую я так бережно храню. Он превратит мою жизнь в филиал ада, где я буду молить о смерти. Я стараюсь быть незаметной, стараюсь не дышать в его присутствии, но где-то в глубине души я понимаю: хищник уже учуял запах крови, и мое бегство — лишь часть его затянувшейся игры. Я прижимаю очередную кофточку к лицу, пытаясь заглушить пульсацию в паху, вызванную страхом перед мужчиной, чье имя я боюсь произносить вслух даже в своих мыслях.

Я подготавливаю все для завтрашнего дня, методично раскладывая вещи Амалии и проверяя расписание занятий, чувствуя, как внутри нарастает привычный зуд тревоги. Я уже собираюсь уходить — этот дом душит меня своей стерильностью, своим безмолвным осуждением. В одной из многочисленных ванных комнат, где мрамор холоднее льда, я быстро переодеваюсь, скидывая домашнюю униформу няни. Мои пальцы дрожат, когда я натягиваю на себя собственную одежду — простую, неброскую, скрывающую изгибы тела, которое через пару часов будет выставлено на торги под неоновым светом. В прихожей я натягиваю поношенную

временем куртку, ее ткань кажется тонкой защитой от мира. В этом году весна выдалась аномально холодной, пронизывающей до костей, такой же ледяной и беспощадной, как сам Дерил.

Я спускаюсь на первый этаж, стараясь ступать бесшумно, чтобы сообщить охране о конце моей смены. Мои мысли уже там, в «Кристалле», где я стану Розой, где мой клитор будет пульсировать не от страха, а от осознания цены, которую за меня заплатят. Я тороплюсь, хочу поскорее покинуть этот склеп, когда на последнем пролете лестницы мои ноги предательски заплетаются. Я теряю равновесие, вскрикиваю, и время замедляется. Я падаю вперед, выставив руки, но вместо холодного пола врезаюсь во что-то твердое, монолитное, обтянутое дорогой шерстью брюк.

Мое лицо впечатывается прямо в его пах.

Я замираю, боясь вздохнуть. Запах Дерила — смесь горького табака, серой амбры и животной силы — заполняет мои легкие. Его член, скрытый за тканью, ощущается пугающе твердым и массивным прямо у моего носа. Охраны нет. Тишина в холле кажется оглушительной. Должно быть, он вернулся раньше и распустил всех, и по тому, как тяжело и рвано он дышит, я понимаю: он в ярости. У него проблемы в бизнесе, и я — единственная мишень, на которой он может сорвать злость.

— Какая... трогательная поза, Роза, — его голос звучит как хриплый ровный гул, вибрирующий в моей голове.

Он не дает мне отстраниться. Его огромная рука, холодная и тяжелая, мертвой хваткой вцепляется в мой затылок, фиксируя мою голову. Он с силой прижимает мое лицо к своим брюкам, заставляя меня вдыхать запах его тела, чувствовать жар, исходящий от его паха. Я начинаю задыхаться — не только от нехватки воздуха, но и от дикого, парализующего смущения. Мои губы касаются грубой ткани прямо там, где пульсирует его плоть.

— Посмотри на себя, — рычит он, и я чувствую, как его пальцы до боли впиваются в мою кожу. — Ты бестолковая, неуклюжая девка. Чему ты можешь научить мою дочь? Как правильно спотыкаться? Или ты просто решила, что твои обязанности няни включают в себя падение на колени перед первым же стоящим членом?

— Я... я просто споткнулась, господин Дерил... — пытаюсь оправдаться я, но мой голос звучит как жалкий писк. Мой язык едва шевелится, зажатый между его бедрами.

— Заткнись! — он давит еще сильнее, и я чувствую, как его возбуждение нарастает от моего унижения. — Твои оправдания меня не интересуют. Ты выглядишь так, будто это твое привычное состояние — стоять внизу, ожидая, когда тебе позволят обслужить хозяина. Ты воняешь дешевизной и скрытым пороком, Роза. Ты просто маленькая, грязная шлюха, которая случайно забрела в детскую.

Его слова бьют наотмашь. Он издевается, он намеренно унижает меня, используя самые грязные эпитеты, чтобы растоптать остатки моего достоинства. Я знаю, что для него это лишь способ сбросить напряжение, он не может знать правду. Он не знает о борделе, о торгах, о том, что через час мужчины будут платить тысячи только за право коснуться того, что он сейчас топчет своим презрением. Но от этого осознания мне становится только страшнее. Если он сейчас так жесток, просто будучи в дурном расположении духа, то, что он сделает, если узнает, что все его грязные слова — правда? Что я действительно продаю то, что он сейчас называет мусором?

Мой клитор болезненно сжимается, влага пропитывает белье — этот предательский ответ тела на его доминацию заставляет меня ненавидеть себя еще сильнее. Я чувствую, как его член дергается под тканью брюк прямо у моих губ, и этот контакт кажется мне самым грязным грехом на свете.

— Ты не достойна даже того, чтобы чистить обувь моей дочери, — он внезапно с силой толкает меня в плечо, отбрасывая на пол.

Я падаю на бок, куртка задирается, обнажая полоску кожи на талии. Он смотрит на меня сверху вниз, как на раздавленное насекомое, его глаза полны ледяной ненависти и чего-то еще — темного, неконтролируемого голода, который он отказывается признавать.

— Убирайся, — цедит он сквозь зубы, поправляя ремень. — С глаз моих вон. И если я еще раз увижу тебя в таком положении, ты вылетишь отсюда на панель, где тебе и место. Хотя, судя по твоему лицу, ты уже давно там подрабатываешь. Вон!

Я вскакиваю, не глядя на него, подхватываю сумку и бросаюсь к выходу. Холодный весенний воздух бьет мне в лицо, но он не может смыть запах его паха с моей кожи и звон его оскорблений в моих ушах. Я бегу к воротам, и единственная мысль бьется в моем мозгу: он не должен узнать. Никогда. Потому что, если Дерил узнает мою тайну, он не просто убьет меня — он сделает так, чтобы я молила о смерти каждый раз, когда он будет брать меня силой, превращая мою жизнь в вечный, бесконечный ад.

Глава 2. Дерил

Ярость выжигает меня изнутри медленно и методично, словно едкая щелочь, текущая по венам вместо крови. Какая-то трусливая крыса, забившаяся в щели моей финансовой империи, сливает информацию. Кто-то решил, что может воровать у меня, перехватывать потоки и оставаться безнаказанным. Идиот. За последнюю неделю я вышиб дурь из троих подозреваемых, превращая их лица в бесформенное месиво, пока они не начали захлебываться собственной юшкой и мочой. Еще двое главарей среднего звена уже гниют в бетоне фундамента моего нового терминала. Сегодня я поставил жирную точку, зачистив территорию своего главного конкурента, превратив его хваленый офис в скотобойню. Но на этой бойне что-то пошло не так.

Один из его цепных псов успел достать меня, прежде чем я размозжил ему череп рукоятью пистолета. Теперь мое левое плечо ноет так, что любая попытка поднять руку отзывается острой, колющей вспышкой в сухожилиях. Перелома нет — я чувствую свои кости, я знаю пределы своего тела. Да даже если бы он и был, мне плевать. Боль для меня — лишь белый шум, индикатор того, что я все еще жив и все еще на вершине пищевой цепи. Это просто обширный, уродливый иссиня-черный кровоподтек, который я хочу убрать как можно скорее. Стагнация — это смерть, а я не могу позволить себе быть медленным.

Я выхожу из душа, пар клубится вокруг моих бедер, оседая на зеркалах и холодном мраморе. На мне лишь полотенце, небрежно обернутое вокруг талии, которое едва скрывает то, как мой член тяжело перекатывается при каждом шаге, все еще не отошедший от адреналинового прихода после убийств. Я выглядываю из дверей ванной, намереваясь рыкнуть кому-нибудь из охраны, чтобы принесли мазь и втерли ее в поврежденные мышцы. Но в доме стоит давящая, неестественная тишина.

В особняке пусто. Все мои бойцы сейчас зализывают раны после сегодняшней резни. Не потому, что я внезапно проникся к ним милосердием — в моем лексиконе нет этого слова. Просто мне нужны рабочие инструменты, а не груда искалеченного мяса. Мне нужны люди, способные держать ствол, а не скулить от боли. Я стою в пустом коридоре, чувствуя, как капли воды стекают по моему позвоночнику, и раздражение нарастает с новой силой.

Я не собираюсь орать на весь дом и звать кого-то из подвала. Это может разбудить мою детку, мою Амалию, а тишина в ее комнате — единственное, что я готов защищать в этом проклятом мире. Но мне нужен кто-то, кто приведет мое тело в порядок. Мой взгляд падает на приоткрытую дверь детской зоны.

Чертова няня. Роза.

Эта хрупкая сирота с вечно испуганными глазами и душой, которая, кажется, рассыплется от одного моего громкого слова. Она все еще здесь, застряла в своих бесконечных делах, пытаясь быть идеальной матерью для ребенка, который ей не принадлежит. Она тихая, она удобная, и она сейчас под рукой. Она сгодится. Я хочу видеть, как ее тонкие, белые пальцы коснутся моей кожи, как она будет дрожать от близости моего обнаженного тела, осознавая свою полную беззащитность.

Я чувствую, как губы кривятся в подобии усмешки. Эта девчонка — ходячий парадокс невинности, но каждый раз, когда я нахожусь рядом, я чую запах ее скрытого страха, который подозрительно похож на запах возбуждения. Сегодня она станет моим личным терапевтом. Я заставлю ее смотреть на мои шрамы, заставлю ее вдыхать мой запах, пока она не осознает: в этом доме нет места для ее маленьких секретов и грез. Только я, ее больная рука и ее рабская покорность.

— Роза! — мой голос звучит негромко, но в нем столько свинцовой тяжести, что он пробивает стены. — Сюда. Живо.

Она заходит в мою спальню бесшумно, словно привидение, рожденное из густого тумана моих собственных мрачных мыслей. Я стою спиной к двери, чувствуя ее присутствие каждой порой своего тела еще до того, как слышу робкий стук. Воздух в комнате мгновенно меняется, пропитываясь запахом ее страха — тонким, цветочным, почти девственным ароматом, который здесь, в моем логове, кажется оскорбительным. Полотенце едва держится на моих бедрах, и мой член, тяжелый и налитый кровью после недавней бойни, давит на ткань, реагируя на ее появление вопреки моей ледяной воле.

— Помоги мне, — бросаю я через плечо, не оборачиваясь. Это не просьба. Это приказ, который не обсуждается.

Я слышу ее прерывистый вдох, шорох ее дешевых туфель по ковру. Она подходит ближе, и я вижу в зеркале ее отражение: бледная, хрупкая, в своей нелепой форме няни, которая должна скрывать ее тело, но вместо этого лишь подчеркивает то, как сильно она дрожит. Она берет банку с заживляющим маслом, ее пальцы касаются прохладного стекла, и я чувствую, как она борется с желанием сбежать.

— Мажь, — цежу я, когда она замирает. — Плечо и лопатку. Не заставляй меня ждать, Роза. У меня сегодня был слишком длинный день, чтобы тратить его на твои колебания.

Она выдавливает немного масла на ладони. Ее руки, холодные и маленькие, ложатся на мою горячую кожу, и по моему позвоночнику пробегает разряд. Она начинает втирать состав в ушибленные мышцы, двигаясь осторожно, почти нежно. И эта ее покорность бесит меня больше, чем предательство крыс в моей организации. Она такая правильная, такая тихая, такая святая... Это ложь. В каждой святоше сидит суккуб, ждущий момента, чтобы выпустить когти.

— Ты ведь ненавидишь меня, правда? — мой голос звучит как скрип ножа по стеклу. — Стоишь здесь, такая покладистая, а сама, небось, представляешь, как всаживаешь мне пулю в лоб. Прямо между глаз, чтобы мои мозги разлетелись по этому дорогому ковру. Признайся, Роза. Ты бы с удовольствием посмотрела, как я сдыхаю.

— Нет... это не так, господин Дерил, — шепчет она, и я чувствую, как ее дыхание щекочет мою лопатку. — Я бы никогда... я просто выполняю свою работу.

Я резко оборачиваюсь, хватая ее за запястье и дергая на себя. Она вскрикивает, банка падает на ковер, масло брызжет на ее форму. Я прижимаю ее к себе, чувствуя, как ее грудь в панике вздымается. Тонкая ткань лифчика не скрывает того, как ее соски стали твердыми и острыми от страха — или от чего-то более грязного. Они торчат, как два маленьких обвинения, направленных мне в грудь.

— Не ври мне, — я наклоняюсь к ее лицу, вдыхая ее испуг. — Твое тело говорит другое. Ты дрожишь под моими руками, как сучка в течке, Роза. Посмотри на свои соски. Они стоят так, будто ты умоляешь меня содрать с тебя это платье и трахнуть прямо здесь, на глазах у твоих воображаемых ангелов. Тебе нравится, когда я причиняю тебе боль? Тебе нравится чувствовать мою силу?

Она краснеет до корней волос, ее глаза наполняются слезами, которые она отчаянно пытается скрыть. Она пытается отвернуться, но я фиксирую ее голову, заставляя смотреть на наше отражение в зеркале. Огромный, покрытый шрамами и кровью хищник и маленькая, сломанная кукла в его руках.

— Вспомни прошлую неделю, — шепчу я, и моя рука скользит ниже, к ее талии, прижимая ее бедра к своему пульсирующему члену сквозь полотенце. — Помнишь, как ты упала? Твое лицо было так близко к моему паху... Ты ведь чувствовала мой запах, правда? Запах мужчины, который только что убил человека. Разве ты не хотела тогда убить меня от унижения, когда я прижимал твою голову к своим брюкам? Ты молчала, как убитая. Но твои зрачки были расширены, а между ног наверняка было мокро.

Она молчит, пряча глаза, и я вижу, как одна слеза скатывается по ее щеке. Она выглядит такой невинной, такой разрушенной... но я чую правду. Мой член дергается, требуя входа, требуя подчинения, которое не ограничивается втиранием масла.

— Ну же, Роза, скажи мне правду, — я надавливаю на ее запястье чуть сильнее, заставляя ее охнуть. — Что это было? Если не ненависть, то что? Неужели это было возбуждение? Тебя заводит, когда я унижаю тебя? Тебя заводит осознание того, что я могу сделать с тобой все, что захочу, и никто тебя не спасет? Отвечай мне!

Она лишь всхлипывает, и я вижу в зеркале, как ее грудь ходит ходуном, а соски пронзают ткань, словно ища контакта с моей кожей. Она загнана в угол своей собственной физиологией, и я собираюсь насладиться каждым мгновением ее падения.

Я смотрю на ее искаженное лицо, на эту гремучую смесь из слез, стыда и того животного страха, который она так отчаянно пытается выдать за целомудрие. Ее соски продолжают предательски буравить дешевую ткань формы, а пальцы, все еще перепачканные в вязком масле, судорожно сжимаются. В какой-то момент напряжение в комнате становится настолько плотным, что его можно резать ножом, и вдруг... я начинаю смеяться. Это хриплый, сухой смех, лишенный капли веселья — звук, от которого в приютах, где она выросла, наверняка прятались под кровати.

— Ты серьезно, Роза? — я отпускаю ее запястье с такой легкостью, будто отбрасываю ненужный кусок ветоши. — Ты действительно вообразила, что я всерьез спрашиваю о твоем возбуждении? Неужели ты думаешь, что я, мужчина твоего уровня, стал бы добровольно трахать такую, как ты? Посмотри на себя в зеркало. Ты — бледная, тощая сирота с дрожащими коленками. Ты не стоишь и капли моего внимания, не говоря уже о том, чтобы я пачкал об тебя свой член. Твое тело — это всего лишь набор физиологических реакций, как у собаки Павлова. Мне противно даже думать о том, чтобы войти в тебя.

Я вижу, как краска отливает от ее лица, оставляя ее мертвенно-бледной. Мои слова бьют точнее, чем пули, разрушая ту иллюзию важности, которую она, возможно, начала строить в своей глупой голове. Я поправляю полотенце на бедрах, игнорируя тяжелую пульсацию в паху — это лишь остатки адреналина после утренней бойни, ничего более. Она для меня — пустое место, деталь интерьера, которая слишком много на себя берет.

— Убери здесь все, — бросаю я, направляясь к выходу из спальни. — Разотри масло, которое ты разлила, и выметайся из моей комнаты. Чтобы через пять минут тебя здесь не было. Ты — няня, вот и занимайся ребенком, и не смей больше попадаться мне под руку со своими влажными глазами.

Я выхожу, не оборачиваясь, чувствуя кожей ее раздавленное состояние. Это именно то, что ей нужно — знать свое место. Я иду в свой кабинет, где пахнет старой кожей и холодным металлом. Мне нужно переключиться, нужно смыть с себя этот липкий налет ее присутствия. Я сажусь в массивное кресло, беру телефон и набираю номер единственного человека, которому я доверяю в этом прогнившем городе — Карена. Мы не родные по крови, но мы братья по той грязи, в которой варимся годами, братья по пролитой крови врагов.

Трубка отзывается длинными, ленивыми гудками. Наконец, слышится щелчок и нарастающий гул басов на заднем плане.

— Алло, — голос Карена звучит расслабленно, почти лениво.

— Карен, тебя плохо слышно. Что это за шум? — я морщусь, прижимая трубку к уху. Мое плечо все еще ноет, напоминая о неудачном выстреле конкурента.

— О, Дерил, брат! — в трубке слышится смех и женский стон, перекрываемый ритмичной музыкой. — Извини, я в «Кристалле». Тут сегодня особенно жарко. Мы ведь собирались встретиться, помнишь? Я думал, ты приедешь ко мне домой, но планы изменились. Приезжай сюда, в бордель. Тут и поговорим о твоих финансовых крысах, и расслабишься заодно.

Я тру переносицу. Сегодня я планировал остаться дома, в тишине, подальше от всех этих шлюх и фальшивых стонов. Мысли о Розе все еще зудят где-то на периферии сознания, раздражая своей неуместностью.

— Я хотел сегодня закрыться в кабинете, Карен. Дел по горло, а рука ноет так, что я готов ее отрезать.

— Брось, — Карен переходит на заговорщицкий тон, и я слышу, как он затягивается сигарой. — Тебе нужно выпустить пар. Поверь мне на слово, тут сегодня есть на что посмотреть. Появился один лот... что-то совершенно особенное. Настоящий запретный плод, Дерил. Я сам подумываю сделать ставку, но хочу, чтобы ты это увидел. Такое случается раз в десятилетие. Хватит киснуть в своем замке со своей молчаливой нянькой. Давай сюда.

Я молчу несколько секунд, глядя на экран монитора, где мелькают котировки акций и отчеты о потерях. Внутри меня все еще горит тот темный огонь, который Роза только раздразнила своей покорностью. Мне нужно что-то реальное. Что-то, что можно сломать без остатка.

— Ладно, — бросаю я, поднимаясь с кресла. — Через два часа буду. Забронируй приватную зону.

Я отключаю вызов. Мой взгляд падает на камеру видеонаблюдения, передающую картинку из холла. Я вижу, как Роза, пошатываясь, выходит из моей спальни, прижимая руки к груди. Она кажется такой маленькой и ничтожной. Я еще не знаю, что через два часа я снова увижу ее — но уже под другим именем, в другом свете и с другой ценой за ее девственность. Но сейчас я просто хочу крови и подчинения.

Глава 3. Роза

Свет софитов в «Кристалле» не греет — он режет глаза, выхватывая из вязкой темноты зала алчные лица, блеск дорогих часов и влажный блеск зрачков, расширенных от алкоголя и похоти. Я двигаюсь на сцене под ритмичный, давящий на виски бит, и мои движения кажутся мне самой отвратительной ложью в мире. Я — Роза, и сегодня на мне почти ничего нет, кроме невесомого кружева, которое стоит дороже, чем вся моя одежда в доме Дерила. Мои движения плавные, тягучие, но в каждом изгибе спины, в каждом повороте бедер сквозит грязь. Мне не нравится это. Мне тошно от того, как легко мое тело имитирует страсть, пока душа забилась в самый темный угол и скулит от унижения.

Рядом со мной на сцене извиваются еще трое девушек. Они — опытные хищницы этого заведения, их движения агрессивны, они толкаются бедрами, пытаясь затмить меня, перетянуть внимание зала на себя. Одна из них проводит ладонью по моей талии, нарочито задевая грудь, чтобы вызвать реакцию публики, но я вижу в ее глазах лишь холодную конкуренцию. Они хотят, чтобы выбрали их, но сегодня я — основная цель. Впервые за все время меня выставили не просто как «живую декорацию» для общего зала, а как лот, который можно снять в приватную комнату. Моя девственность сегодня — главный товар на этом рынке плоти, и цена за нее уже взлетела до небес.

Я чувствую, как мой клитор пульсирует от дикой смеси адреналина и стыда. Тонкая ниточка кружева впивается в нежную кожу, и каждое движение бедрами вызывает прилив нежелательного жара. Я знаю правила клуба: пока за меня не выплачена полная цена выкупа, меня нельзя трогать «изнутри», но от этого осознания не легче. Я все равно чувствую себя грязной, будто каждый сальный взгляд в этом зале оставляет на моей коже липкий, невидимый след. Я танцую, глядя в пустоту над головами мужчин, представляя, что я — лишь голограмма, неоновый призрак, которого нельзя коснуться.

Вдруг музыка стихает до фонового гула, и я вижу, как ко мне из тени направляется менеджер заведения. Его лицо не выражает ничего, кроме деловой хватки. Он жестом подзывает меня к краю сцены, и я подчиняюсь, чувствуя, как дрожат мои колени.

— Роза, — шепчет он, и его голос пропитан жадным торжеством. — Можешь заканчивать свое выступление. За тебя только что заплатили рекордную цену. Тебя ждут в четвертой приватной зоне. Клиент серьезный, просил анонимности. Не разочаруй его, детка. Сегодня ты окупила все свое содержание за год.

Мое сердце пропускает удар. Рекордная цена. Кто-то купил право обладать моей тенью на целый час. Я спускаюсь со сцены, игнорируя полные ненависти взгляды других танцовщиц, и иду по темному коридору, чувствуя, как холодный воздух касается моих обнаженных плеч.

Дверь захлопывается с глухим, окончательным щелчком, отрезая меня от гула ночного клуба. В комнате царит полумрак, разбавленный лишь багровым неоном, который ползет по стенам, словно живая кровь. В глубоком кожаном кресле сидит мужчина. Его лицо скрыто тяжелой черной маской, оставляющей видимыми только губы — жесткие, четко очерченные, и глаза, в которых застыла холодная, хищная тьма. Я замираю у входа, чувствуя, как страх ледяной иглой прошивает позвоночник. Мое дыхание становится рваным, а тонкое кружево сценического костюма кажется теперь не одеждой, а клеймом позора.

— Подойди ближе, — раздается его голос. Он звучит глухо из-за маски, но в нем столько свинцовой власти, что мои ноги подчиняются прежде, чем я успеваю осознать приказ. — Я заплатил за тебя рекордно много, Роза. И я жду, что ты выложишься по максимуму. Здесь нет места твоей робости. Здесь есть только я и то, как ты будешь отрабатывать каждый потраченный на тебя цент.

Я останавливаюсь в двух шагах от него. Мой клитор мучительно пульсирует, реагируя на эту густую, удушливую атмосферу доминирования. Воздух в комнате пахнет дорогим табаком и чем-то неуловимо знакомым, от чего у меня подкашиваются колени.

— Что... что вы хотите, чтобы я сделала? — шепчу я, глядя в пол.

Он издает короткий, сухой смешок, лишенный тепла.

— Я не жду от тебя чудес техники, девочка. Раз ты девственница, твой арсенал довольно скуден. Но мне нужна твоя искренность. Твое полное, безусловное подчинение.

Он замолкает, вглядываясь в меня так, будто сдирает кожу взглядом.

— Это ведь правда? Ты действительно не знала мужчину? — его голос становится ниже, вибрируя где-то у меня в животе.

— Да... — мой голос срывается. — Это правда.

— Тогда иди сюда. Живо.

Я делаю шаг, оказываясь почти вплотную к нему. От него исходит жар, такой сильный, что я чувствую его кожей лица. Он не шевелится, сидит неподвижно, как гранитное изваяние.

— Начнем с малого. Сними с меня рубашку, Роза. Медленно. Я хочу чувствовать каждое движение твоих пальцев.

Мои руки дрожат так сильно, что я едва справляюсь с первой пуговицей. Ткань рубашки дорогая, атласная, она скользит под подушечками пальцев. Я расстегиваю одну за другой, обнажая его грудь — широкую, покрытую жесткими мышцами. Когда рубашка падает на пол, я замираю, пораженная его мощью.

— Не останавливайся, — цедит он сквозь зубы. — Веди пальцами ниже.

Я подчиняюсь. Мои кончики пальцев касаются его кожи. Она горячая, почти обжигающая. Я веду ими по рельефу его пресса, чувствуя, как каждая мышца под моими руками напрягается, превращаясь в камень. Мое собственное возбуждение становится невыносимым; влага пропитывает тонкую полоску кружева между моих ног, и я боюсь, что он услышит, как бешено колотится мое сердце.

— Продолжай. До самого низа.

Я опускаю руки ниже, преодолевая последние дюймы кожи, и останавливаюсь только тогда, когда мои пальцы натыкаются на холодный металл пряжки его ремня. Я чувствую, как за этой преградой скрывается его тяжелая, пульсирующая плоть, и это осознание заставляет меня задыхаться от ужаса и странного, порочного восторга. Я стою перед ним на коленях, завороженная тяжестью его присутствия, не в силах отвести взгляд от его живота, который вздымается в такт его глубокому, контролируемому дыханию.

Багровый неон отражается в пряжке его ремня, когда мои пальцы, онемевшие от ужаса, касаются холодного металла. Я чувствую себя так, словно стою на краю обрыва, а внизу — бездна, пахнущая мужским потом, властью и чем-то таким первобытным, что у меня кружится голова. Воздух в комнате стал настолько густым, что его приходится буквально заталкивать в легкие.

— Расстегни его, Роза, — голос мужчины в маске звучит тише, но в этой тишине больше угрозы, чем в крике. — Медленно. Слышишь? Я хочу слышать звук каждого зубца.

Я сглатываю вязкую слюну. Мои ногти скребут по коже ремня, пока я наконец не нахожу рычажок. Щелчок кажется оглушительным, как взведение затвора. Я тяну кожаную ленту из петель, и мои руки задевают его бедра — они твердые, как гранитные колонны.

— Спускай брюки, — приказывает он, слегка раздвигая ноги, чтобы дать мне пространство.

Я опускаюсь ниже, едва не касаясь коленями пола, и стягиваю тяжелую ткань. Она шуршит, обнажая его сильные ноги, и падает к его щиколоткам. Теперь передо мной только тонкий черный трикотаж его боксеров, который натянут настолько сильно, что кажется, он вот-вот лопнет. Я вижу отчетливый, массивный контур его члена, который давит на ткань, и мой кли-

тор отзывается на это зрелище резкой, болезненной пульсацией. Я никогда не видела мужчину так близко. Я никогда не чувствовала этой животной тяжести, исходящей от чужого паха.

Мои руки непроизвольно тянутся к резинке белья, я хочу сорвать этот последний барьер, чтобы просто покончить с этим ожиданием, которое выжигает меня изнутри, но его голос внезапно останавливает меня, как хлыст.

— Я понимаю, что тебе не терпится увидеть его, маленькая Роза. Понимаю, что ты хочешь почувствовать его на своем языке или зажать между своих невинных ладоней. Но притормози.

Он издает низкий, горловой звук, который больше похож на рычание.

— В этом клубе ты — товар, а я — твой владелец на этот час. И я хочу, чтобы ты научилась чувствовать. Коснись его через ткань. Сейчас.

Я подчиняюсь, едва касаясь кончиками пальцев бугра под боксерами.

— Нет, не так, — шипит он, и я вижу, как его пальцы впиваются в подлокотники кресла. — Обхвати его. Полностью. Сожми ладонь вокруг него и почувствуй, насколько он горячий. Почувствуй, как он пульсирует, требуя твоего внимания.

Я медленно накрываю ладонью его плоть. Ткань боксеров тонкая, и жар, исходящий от него, мгновенно прошибает мою кожу. Он огромный. Тяжелый. Я чувствую, как под моей ладонью проходит мощная волна пульсации — его сердце бьется прямо там, в этом напряженном куске мяса.

— Что ты чувствуешь, Роза? Говори! — приказывает он, наклоняясь ко мне так близко, что я чувствую запах его маски.

— Он... он очень горячий, — шепчу я, и мои пальцы сами собой сжимаются крепче. — И он... он такой твердый. Будто из железа.

— Хорошо, — выдыхает он. — Теперь веди рукой вверх и вниз. Медленно. Смакуй эту тяжесть. Пойми, что эта вещь может сделать с тобой, если я позволю.

Я начинаю двигать рукой, чувствуя, как головка его члена упирается в мою ладонь через трикотаж. Это движение, такое простое и грязное, вызывает во мне лавину ощущений. Мое белье уже насквозь промокло от липкого сока, и я чувствую, как мой клитор буквально горит, требуя трения. Каждое скольжение моей руки вверх заставляет его член дергаться, и эта обратная связь сводит меня с ума.

Я закрываю глаза, полностью отдаваясь тактильному кошмару. Тяжесть его плоти в моей руке кажется мне самым значимым предметом во вселенной. Я чувствую, как натяжение ткани под моими пальцами становится всесильнее, и вдруг, когда я особенно сильно сдавливаю основание, из моей груди вырывается резкий, неожиданыйстон, который тонет в багровом полумраке комнаты.

Мой стон повисает в багровом полумраке, липкий и позорный, как само это место. Мужчина в маске реагирует мгновенно: его дыхание сбивается, превращаясь в приглушенный рык, а тело под моими руками становится еще тверже, если это вообще возможно. Мой звук не вызвал у него жалости — он разбудил в нем зверя, который долго сидел в клетке. Я чувствую, как его ярость и возбуждение смешиваются в единый ядовитый коктейль. Он становится грубее; его движения теряют остатки притворной медлительности.

— Тебе нравится это, Роза? — его голос теперь звучит низко, скрежеща, как металл по кости. — Тебе нравится сжимать меня, пока я решаю твою судьбу? Описывай! Живо! Я хочу слышать каждое слово, которое рождается в твоей грязной голове, пока ты касаешься моего члена. Описывай все, до мельчайших деталей, иначе я заставлю тебя жалеть о том, что ты сегодня вообще проснулась.

Он резко подается вперед, сокращая расстояние между намидо минимума. Его аура подавляет меня, втаптывает в дорогой ворс ковра. Мои пальцы продолжают скользить по черной ткани его боксеров, чувствуя невероятное тепло, исходящее от его плоти. Я начинаю гово-

рить — сначала сухо, отрывисто, пытаясь сохранить остатки дистанции, отгородиться от этого безумия психологическими терминами, которые учила в колледже.

— Он... он горячий. Твердый. Я чувствую, как пульсирует вена под моей ладонью. Ткань мешает, но я ощущаю форму... тяжесть.

— Сухо! — рявкает он, и его рука внезапно впивается в мои волосы на затылке, заставляя меня выгнуть шею и смотреть на него снизу вверх. — Мне не нужен отчет патологоанатома. Говори, как сучка, которой не терпится почувствовать это внутри себя! Говори, как кожа натягивается от моего возбуждения! Говори, как ты хочешь, чтобы я содрал с тебя эти тряпки!

Его грубость ломает мои барьеры. Я чувствую, как по моим ногам течет влага, пропитывая кружево трусиков, превращая их в мокрый, бесполезный кусок ткани. Я закрываю глаза, и описания становятся ярче, сочнее, пропитанные тем самым пороком, от которого я бежала.

— Он... он ощущается как раскаленный прут... — мой голос дрожит и срывается в хрип. — Когда я веду рукой вверх, я чувствую, как головка упирается в мою ладонь, огромная и властная. Каждая пульсация отдается в моих пальцах, я чувствую, как он дергается, как он живет своей жизнью. Он такой тяжелый... эта тяжесть... она давит на меня, даже когда я просто касаюсь его. Я чувствую, как через боксеры проступает влага, этот запах... мужской, терпкий... он заполняет все пространство. Я хочу сжать сильнее, я хочу почувствовать, как он...

Я не замечаю, как его свободная рука, до этого покоившаяся на подлокотнике, начинает свое медленное, хищное движение. Я слишком поглощена тактильным кошмаром своего собственного вожделения. Его пальцы, грубые и мозолистые, внезапно касаются моей голой кожи в районе бедра. Я вздрагиваю, но не останавливаюсь, продолжая ласкать его через ткань, описывая, как его член становится все больше, как он буквально распирает боксеры.

Рука мужчины скользит выше по внутренней стороне бедра, обжигая меня холодом и силой. Он не церемонится. Его пальцы грубо раздвигают мои ноги, сминая края сценического костюма. Я задыхаюсь, мои слова превращаются в бессвязный лепет о тепле и пульсации, пока его ладонь не накрывает мой промежность полностью.

И тогда это происходит. Неожиданно, без предупреждения, его большой палец с силой бьет прямо по моему клитору, который и так уже раздулся от невыносимого ожидания. Удар точный, жесткий, властный. Разряд тока прошивает меня от макушки до пят, вырывая из горла хриплый, надрывный крик. Мои пальцы на его члене судорожно сжимаются, я теряю контроль над реальностью, чувствуя, как этот единственный жест разрушает все мое притворное смирение и вышвыривает меня в бездну чистого, животного экстаза, смешанного с абсолютным ужасом перед тем, кто сейчас владеет моим телом.

Мой вскрик эхом разбивается о звуконепроницаемые панели, но мужчина в маске лишь сильнее сжимает мои волосы, заставляя голову запрокинуться еще больше. Я вижу только багровую муть под потолком и чувствую, как его пальцы, грубые и властные, остаются на моей промежности, придавливая влажную ткань трусиков к моему горящему телу.

— Продолжай, — рычит он, и я чувствую, как его член под моей ладонью дергается, увеличиваясь, кажется, еще на несколько сантиметров. — Не смей замолкать. Сжимай меня и говори. Что ты чувствуешь сейчас, когда я держу тебя за твой грязный секрет?

Мои пальцы, ставшие липкими, снова начинают движение по его боксерам. Я обхватываю его ствол, чувствуя невероятный жар, который пробивается даже сквозь трикотаж. Он твердый, как стальной трос под напряжением, и я ощущаю, как головка — мощная, раздутая от прилива крови — давит мне в центр ладони.

— Я... я чувствую, как ты пульсируешь, — мой голос срывается, превращаясь в прерывистый шепот. — Ты такой огромный... кожа натянута до предела, она гладкая и горячая. Каждая твоя вена под моими пальцами бьется, как живое сердце. Я чувствую тяжесть... ты давишь на мою руку, ты требуешь, чтобы я не останавливалась.

В этот момент он вводит второй палец под ладонь, и теперь уже два его пальца начинают ритмично двигаться поверх моих пропитанных соком трусиков. Шелк трется о мой клитор, создавая невыносимое трение, от которого перед глазами начинают вспыхивать белые искры. Я стою на коленях между его раздвинутых ног, зажатая его бедрами, и стону уже громче, не в силах сдерживать позорные звуки. Мой таз сам собой начинает дергаться навстречу его руке.

— Что ты чувствуешь, Роза? Отвечай мне! — он давит сильнее, растирая нежную плоть через мокрую преграду.

Я задыхаюсь. Воздух в комнате закончился, остался только запах секса, маски и моего собственного унижения. Я открываю рот, но из него вылетает только сдавленный хрип. Я не могу подобрать слова, мой мозг плавится от этого ритма.

— Я... я не... — я пытаюсь глотнуть воздуха, но он внезапно замирает, оставляя свои пальцы неподвижными на моем клиторе.

— Если ты не ответишь, я уберу руку, — его голос звучит ледяным предупреждением. — Я оставлю тебя здесь, в этом состоянии, и ты будешь скулить на этом ковре до самого утра, так и не получив разрядки. Говори! Что это за чувство?

— Нет! Пожалуйста... не останавливайтесь... — я почти плачу, подаваясь вперед, пытаясь вернуть его пальцы в движение. — Я не знаю, что это... я никогда... это просто... это невыносимо приятно. Это как огонь, который разливается по венам. Я чувствую себя так, будто я сейчас умру, если вы не продолжите.

— Приятно? — он издает утробный звук, и его рука возобновляет движение, но теперь в три раза быстрее. — Ты хочешь сказать, что никогда не кончала от чьих-то пальцев? Неужели никто не ласкал тебя так раньше? Даже ты сама?

— Нет... — выдыхаю я, зажмуриваясь так сильно, что болят веки. — Никогда. Я не... я не знала, что так бывает.

— Идиотка, — шипит он, и в этом слове слышится странное, извращенное торжество. — Тогда смотри, как это делает настоящий мужчина.

Он начинает тереть меня с такой силой, что я чувствую, как ткань трусиков горит на моей коже. Его движения становятся яростными, он буквально вбивает свои пальцы в мой клитор через шелк, заставляя меня выгибаться дугой. Я вцепляюсь в его член, сжимая его до боли, чувствуя, как под моей ладонью он становится не просто твердым, а каменным.

Мир схлопывается в одну точку между моих ног. Я чувствую, как внутри меня натягивается невидимая струна, она звенит, она вибрирует на пределе, и в какой-то момент она лопается.

Я кончаю так резко и мощно, что мои легкие парализует. Я кричу прямо в его пах, мои пальцы судорожно сжимают его член, и в ту же секунду я чувствую, как ткань его боксеров под моей рукой внезапно становится обжигающе мокрой. Горячая, густая жидкость пропитывает трикотаж, заливая мои пальцы, и я чувствую мощную, ритмичную пульсацию его плоти. Он тоже кончил. Прямо мне в руку, через ткань, содрогаясь всем своим массивным телом.

Я обмякаю у его ног, тяжело дыша, чувствуя, как по моим пальцам стекает его тепло, смешиваясь с моей влагой. Мы оба замерли в этой багровой комнате, окутанные запахом нашего общего, грязного греха.

Глава 4. Дерил

Ярость до сих пор кипит в моих венах, густая и черная, как мазут. Я смотрю на свои руки и вижу на пальцах призрачный след вчерашнего безумия. Вчерашняя ночь в «Кристалле» должна была стать просто способом выпустить пар, а превратилась в акт моего окончательного падения в бездну, где правит Роза.

Когда я вошел в тот прокуренный зал и увидел ее на сцене, мир на мгновение перестал существовать. Там она была другой. Никакой смиренной няни, никакой серой мышки в поношенной куртке. На сцене извивалось нечто порочное, обернутое в скудное кружево, которое не скрывало почти ничего. Сначала меня захлестнула такая ярость, что я едва не выхватил ствол, чтобы пристрелить каждого, кто смел на нее смотреть. Как она смела? Днем она целует мою дочь в лоб, читает ей сказки о добре и свете, а ночью притворяется элитной шлюхой, выставляя свое тело на потеху подонкам? Эта двойственность, эта грязная ложь под самым моим носом вызвала во мне желание свернуть ей шею прямо там.

Но ее тело... полуголое, блестящее в свете неоновых ламп, оно взяло свое. Я смотрел на изгиб ее талии, на то, как опасно низко сидит полоска кружева на ее бедрах, скрывая тот самый клитор, который я мечтал раздавить своим весом. Мой член мгновенно превратился в раскаленный лом, болезненно упираясь в брюки, требуя обладания этой лживой тварью. А когда объявили ставку на ее девственность... я потерял рассудок. Я купил ее время, не задумываясь о цене. Рекордная сумма? Плевать. Я готов был сжечь весь этот клуб, лишь бы затащить ее в приватную зону и содрать с нее маску невинности.

А потом было это позорное завершение. В той багровой комнате, под ее дрожащими руками, я кончил себе в трусы, как какой-то прыщавый школьник, едва она коснулась меня и заскулила от моего грубого давления. Густая, горячая жидкость залила мои боксеры, и я ненавидел себя за эту слабость, за то, что эта девчонка имеет такую власть над моим телом. Но мне этого мало. Одной ночи недостаточно. Я буду возвращаться к ней снова и снова, под маской или без, пока не выжгу в ней все человеческое. Больше никто в этом городе не прикоснется к ней. Она — моя собственность, мое проклятие, мой личный филиал ада.

С этими мыслями, все еще чувствуя фантомный запах ее возбуждения, я подхожу к дверям детской. Я толкаю створку, и тяжелый дубовый массив беззвучно отворяется.

Роза сидит на диванчике. Она выглядит такой хрупкой, такой правильной в дневном свете, который кажется кощунственным после вчерашнего полумрака борделя. Она играет с Амалией, перебирая какие-то кубики, и на ее лице застыла та самая маска нежной заботы. Мой взгляд невольно опускается к ее коленям, скрытым юбкой, и я представляю, как под этой тканью пульсирует ее нежная плоть, еще хранящая память о моих пальцах. Она смеется вместе с ребенком, и этот звук режет мне слух, напоминая о ее хриплых стонах в «Кристалле». Она еще не знает, что я уже накинул на ее шею невидимую удавку, и теперь каждый ее вдох принадлежит мне.

Амалия замечает меня первой. Ее лицо озаряется той чистой, незамутненной радостью, которая доступна только существам, не знающим вкуса крови и предательства. Она бросает куклу и бежит ко мне, топоча маленькими ножками по мягкому ковру.

— Папа! — звенит ее голос, и этот звук на мгновение приглушает ту темную бурю, что бушует у меня в груди.

Я подхватываю ее на руки, ощущая ее хрупкость. С ней я другой. Она — моя принцесса, единственное чистое пятно в моей биографии, и я готов вырезать целые города, чтобы она никогда не узнала, какими руками я ее обнимаю. Я целую ее в макушку, вдыхая запах детского шампуня, но мой взгляд, тяжелый и хищный, пригвождает Розу к дивану. Она застыла, ее лицо

побледнело, а пальцы судорожно вцепились в край подушки. Она выглядит так, будто ждет удара, и это знание доставляет мне почти физическое удовольствие.

— Мы ведь не против, если я поработаю здесь, рядом с вами? — мой голос звучит непривычно мягко, почти заботливо. Я играю в «хорошего отца», но Роза видит за этой маской оскал волка.

— Господин Дерил... — она начинает лепетать, ее голос дрожит, срываясь на вдохе. — Мы... мы можем вам мешать. Амалия играет, мы громко обсуждаем сказки... Вам будет трудно сосредоточиться на документах.

Она пытается выстроить стену, пытается выгнать меня из этой зоны комфорта, которую она создала для себя и ребенка. Наивная. Она не понимает, что я хочу видеть ее страх при дневном свете, хочу чувствовать, как ее тело реагирует на мое присутствие после того, что мы устроили в борделе.

— Это мелочи, Роза, — отрезаю я, не дожидаясь ее согласия.

Я сажусь на диван, нарушая все границы ее личного пространства. Сажусь настолько близко, что чувствую жар, исходящий от ее бедер. Амалия, почуяв перемену в атмосфере, переползает к ней на руки, устраиваясь поудобнее, и Роза вынуждена обнять ее, становясь для меня живым щитом и мишенью одновременно.

Я открываю ноутбук, делая вид, что погружен в финансовые отчеты, но на самом деле я слежу за каждым ее микродвижением. Мой локоть «случайно» упирается в ее колено, а плечо плотно прижимается к ее предплечью. Я чувствую, как она замирает, как ее дыхание становится поверхностным и рваным. Под тонкой тканью ее домашнего платья скрывается то самое тело, которое вчера содрогалось под моими пальцами. Я представляю, как ее клитор сейчас пульсирует от ужаса, как влага снова начинает скапливаться между ее ног, марая ее безупречный образ «идеальной няни».

— Посмотри, Роза, у принцессы золотое платье, — лепечет Амалия, тыча пальчиком в книжку.

— Да, милая... очень красивое... — Роза едва дышит, она задыхается, пытаясь поддерживать милую беседу с ребенком, пока я намеренно веду локтем выше по ее бедру, сминая ткань юбки.

Я наблюдаю в зеркальном отражении экрана, как она краснеет до корней волос. Ее соски, ставшие твердыми то ли от холода кондиционера, то ли от дикого внутреннего напряжения, отчетливо проступают через лифчик. Она обсуждает замки и балы, ее голос звучит неестественно высоко, а я в это время чувствую, как мой член тяжелеет, реагируя на эту пытку близостью. Я — первобытный хищник, который занял свою территорию, и она знает: одно неверное движение, и я сорву с нее эту маску невинности прямо на глазах у дочери, напомнив ей, кто вчера скулил в моей ладони.

И все же сейчас Амалия вертится на коленях у Розы, ее маленькие ладошки хлопают по глянцевым страницам книги, заполняя комнату звуками беззаботного детства, которые кажутся мне извращенным шумом на фоне той симфонии греха, что звучит в моей голове. Роза сидит неестественно прямо, ее позвоночник натянут, как струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. Я кожей чувствую, как ее бросает то в жар, то в холод, когда мое бедро, обтянутое дорогой шерстью брюк, плотно прижимается к ее ноге. Под этой тонкой кожей и хлопком формы скрывается плоть, которая вчера в «Кристалле» была готова плавиться от одного моего взгляда.

— Папа, а какая принцесса твоя любимая? — Амалия поднимает на меня свои чистые, доверчивые глаза, заставляя меня на мгновение вынырнуть из омута похоти и власти.

Я медленно, с нарочитой ленивостью, закрываю крышку ноутбука. Металл корпуса холодит пальцы, напоминая о стали ствола, который я чистил перед выездом. Я откидываюсь на спинку дивана и, будто в глубоком раздумье, перекидываю руку через спинку, прямо за голо-

вой Розы. Мои пальцы едва касаются ее волос — я чувствую запах ее шампуня, смешанный с тонким, едва уловимым ароматом ее пота, вызванного страхом. Она вздрагивает, ее дыхание превращается в рваный свист, а плечи опускаются еще ниже, будто она пытается вжаться в диван и исчезнуть.

— Моя любимая принцесса? — я делаю паузу, наслаждаясь тем, как бешено пульсирует жилка на ее шее. — Знаешь, Амалия, в сказках принцессы часто кажутся очень хрупкими и невинными. Они живут в высоких башнях и поют птицам. Но на самом деле, самые интересные из них — те, у кого есть секреты. Те, кто ночью убегает из замка, чтобы делать то, о чем днем они боятся даже помыслить.

Роза издает тихий, едва слышный звук, похожий на подавленный всхлип. Она понимает каждое мое слово. Она знает, что я не о сказках. Я вижу, как под ее одеждой соски встают колом, пробивая ткань, реагируя на мой голос так, как если бы я уже касался ее языка. Мой член, зажатый тесными брюками, пульсирует, наливаясь тяжестью; я чувствую, как его головка упирается в ткань, требуя свободы, требуя того же тепла, что я ощущал вчера через ее ладонь.

— Но они ведь хорошие, папа? — Амалия надувает губки, искренне переживая за моральный облик сказочных героинь.

— Хорошие? — я усмехаюсь, и в этой ухмылке больше хищного оскала, чем родительской ласки. — Они просто очень хорошо умеют притворяться. Они надевают маску благодетели, чтобы скрыть свою истинную натуру. Но в конце концов, всегда появляется кто-то, кто срывает эту маску и показывает их истинное лицо. И тогда им приходится платить за свою ложь. Дорого платить.

Я вижу, как по лицу Розы скатывается одинокая капля пота. Она дрожит так сильно, что Амалия на ее руках начинает покачиваться. Внутри нее сейчас бушует шторм — страх разоблачения смешивается с тем самым позорным возбуждением, которое я вчера выбил из нее в борделе. Я знаю, что между ее ног сейчас настоящий пожар, что ее клитор раздулся и молит о трении, о той самой боли, которую я ей обещаю каждым своим словом.

Я медленно опускаю руку на спину дочери, поправляя ей ворот кофты, и, миновав ее спину, тяжело касаюсь бедра Розы. Я сжимаю пальцы, чувствуя мягкость ее плоти и жар, исходящий от нее. Она замирает, боясь даже моргнуть. Я чувствую, как она вся обратилась в слух, как она ждет, что я сделаю дальше. Мои пальцы впиваются в ее кожу, и я намеренно веду ими выше, к самому краю ее целомудренной юбки.

И в этот момент тишину детской прорезает резкий, металлический звон кухонного таймера, доносящийся из коридора.

Роза подрывается с места так резко, будто ее ударило током. Амалия едва успевает соскользнуть на пол, удивленно хлопая глазами.

— Пришло... пришло время обедать! — выпаливает Роза, не глядя на меня. Ее голос сорван, в нем слышится истерика, которую она едва сдерживает. — Амалия, пойдем, нужно помыть ручки. Мы... мы уже уходим.

Она хватает девочку за руку и почти бегом направляется к двери, ни разу не обернувшись. Я провожаю ее взглядом, чувствуя,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.